

Цинь Гэ был ошеломлен поцелуем Се Цзыцзина. Его пальцы скользнули по мочке уха Се Цзыцзина, опускаясь вниз, касаясь небрежно сбритых щетинок на подбородке.

Се Цзыцзин был одет в худи с капюшоном, шнурки которого были завязаны в два узла и болтались на груди. Цинь Гэ зацепил шнурок, притянув Се Цзыцзина ближе. Но этого было недостаточно. Он отпустил шнурок и обнял Се Цзыцзина за талию. Язык Се Цзыцзина скользнул по его, и Цинь Гэ слегка задрожал, пальцы сжались сильнее.

— Ты просто убийца, — прошептал Се Цзыцзин, облизнув губы.

Цинь Гэ был в полубреду, его язык снова потянулся за поцелуем. Се Цзыцзин приложил палец к его губам, и Цинь Гэ тут же лизнул подушечку пальца.

— Ты что, в обморок падаешь? — Се Цзыцзин просто обнял его, поцеловав в макушку. — Ты вообще понимаешь, что говоришь?

— Понимаю, — Цинь Гэ прижался к его груди, глубоко вздохнул и поцеловал выступающий кадык Се Цзыцзина. — Сделай это... прошу.

Се Цзыцзин перевернул его, прижав к кровати. Цинь Гэ не мог пошевелиться, чувствуя, как возбуждение обоих нарастает с каждой секундой. Се Цзыцзин снял с него футболку, целуя тело, и в момент кульминации Цинь Гэ сдавленно застонал, напрягся и покрылся потом.

Он потянулся к одежде Се Цзыцзина, но тот удержал его, положив руку на плечо, и протянул стакан теплой воды.

— Сначала выпей, — снова заговорил Се Цзыцзин успокаивающим тоном. — Потом продолжим.

Лицо Цинь Гэ пылало, страх был подавлен нахлынувшими эмоциями. Он с подозрением посмотрел на стакан:

— Снотворное?

— Вчерашняя таблетка была последней, — чтобы доказать, что в воде ничего нет, Се Цзыцзин сделал глоток. — Ты слишком много потеешь, нужно восполнить жидкость.

Цинь Гэ послушно выпил воду, ощущая легкую кислинку лимона. Он передал стакан Се Цзыцзину, наблюдая, как тот ставит его на стол. Се Цзыцзин выключил свет в комнате, оставив только приглушенную лампу на столе. В полумраке его профиль выглядел особенно привлекательно.

Сердце Цинь Гэ бешено заколотилось. Он вспомнил день, когда впервые увидел Се Цзыцзина.

Се Цзыцзин снял с него одежду, завернул в одеяло и лег на кровать, касаясь носом его виска. Его тихий смешок доносился до Цинь Гэ, который, вырвав руку из-под одеяла, обнял его. Се Цзыцзин поймал его руку и поцеловал ладонь. Цинь Гэ был смущен его прикосновениями:

— Чего ты ждешь?

— Пока ты не придешь в себя, — Се Цзыцзин продолжал бессмысленно целовать его, нажимая пальцем на подбородок, чтобы тот открыл рот.

Цинь Гэ не мог вымолвить ни слова. Поцелуй Се Цзыцзина будто разбудил все скрытые желания в его теле. Он пытался сопротивляться под его напором, но быстро ослаб, тяжело дыша. Се Цзыцзин ласкал его уши, и Цинь Гэ сжал плечи, желая спрятаться в его объятиях. Вся комната была наполнена запахом Стража, который, казалось, полностью поглотил его. Он не мог подобрать слов, сдавленно умоляя:

— Не жди... возьми меня.

— ...Перестань говорить, — хрипло произнес Се Цзыцзин, притворяясь угрожающим. — Иначе я действительно съем тебя.

Цинь Гэ подумал: «Давай, пожалуйста». Ему это было нужно. Но он почувствовал, как язык онемел, реакции замедлились, а в голове был туман, словно его ударили кулаком. Он вспомнил стакан воды с лимоном, в которой, якобы, не было снотворного.

— ...Се Цзыцзин! — гневно крикнул он.

На самом деле его крик больше походил на стон. Се Цзыцзин вздохнул с облегчением, увидев, как Цинь Гэ закрывает глаза и засыпает. Он лег рядом, наблюдая за его спящим лицом, и только через десять минут осмелился сменить ему одежду. Закончив, он осторожно забрался под одеяло. Температура Цинь Гэ была выше, и Се Цзыцзин, обняв его, поцеловал в волосы.

— Эх, — тихо сказал он. — Будь послушным.

Цинь Гэ проснулся около пяти утра от солнечного света. Се Цзыцзин все еще спал, укрывшись одеялом, видны были только его брови, глаза и растрепанные волосы.

Цинь Гэ пошевелился, и тот мгновенно проснулся, открыв глаза, чтобы увидеть, как Цинь Гэ снова прячется под одеялом, даже закрыв лицо.

— ...Ты смущаешься? — Се Цзыцзин улыбнулся, протянув руку под одеяло, чтобы пощекотать его бок.

Цинь Гэ тут же отпрянул, ударив его ногой в живот.

Се Цзыцзин, держась за живот, засмеялся. Цинь Гэ, покраснев, набросил на него одеяло и еще раз ударил.

— Ох... — Се Цзыцзин продолжал смеяться. — Хорошо, что я ничего больше не сделал. Если от поцелуя ты уже так бьешь, то что было бы, если бы я...

— Только поцелуй?!

— Ну, и немного потрогал, — поправил Се Цзыцзин. — О, понял. Ты злишься, потому что я не сделал, как ты хотел?

— Сколько таблеток тебе дал Янь Хун?! — гневно спросил Цинь Гэ. — Отдай!

— Все уже кончились, больше нет, — Се Цзыцзин сел, продолжая смеяться. — Честно, если вру, пусть я стану кроликом.

Цинь Гэ бросился в ванную. Се Цзыцзин все еще смеялся, когда в его объятия запрыгнул маленький пушистый комочек. Он вытащил из-под одеяла ангорского кролика и звонко поцеловал.

Чистя зубы, Цинь Гэ задумчиво смотрел на свое отражение в зеркале. Все, что произошло прошлой ночью, он прекрасно помнил. Но те слова, которые он произносил, в трезвом состоянии он бы никогда не сказал.

Янь Хун, известный своей привычкой сразу признаваться в чувствах, как только они возникали, любил говорить: «Взрослые должны честно признавать свои желания». Цинь Гэ не мог понять, что его так разозлило: его собственное поведение или то, что Се Цзыцзин отступил. Он чувствовал, что был достаточно честен, его симпатия к Се Цзыцзину была настолько сильна, что он готов был развивать близкие отношения. Но что-то все же не давало покоя, и тихий голос в голове спрашивал: «Не слишком ли это быстро?»

Цинь Гэ закончил чистить зубы, так и не поняв, чего ему не хватало. Впервые в жизни он столкнулся с чем-то подобным и невольно начал сомневаться.

Завтрак был простым. Цинь Гэ приготовил яичницу и тосты, налил Се Цзыцзину молока, а себе — стакан воды.

— Все еще злишься? — Се Цзыцзин капнул молоко на стол, чтобы кролик Цинь Гэ мог лизнуть. Но кролик не стал есть, только понюхал и снова прыгнул на руки к Се Цзыцзину.

Цинь Гэ мрачно ел тост, наконец выдавив:

— Нет.

Се Цзыцзин положил яичницу и тост на его тарелку:

— Этого мало, я пожарю мяса.

Цинь Гэ взглянул на него. Се Цзыцзин встал, держа в одной руке тарелку, а в другой — кролика, и, встретив его взгляд, улыбнулся.

— Если ты говоришь, что хочешь серьезности, то давай будем серьезными, — сказал он. — Такие вещи лучше делать в трезвом уме, согласен?

Его слова звучали так искренне, что Цинь Гэ даже смутился лишь на мгновение, прежде чем ответить:

— Да.

Он никак не ожидал, что будет обсуждать это с Се Цзыцзином за завтраком, и, ответив, почувствовал странное тепло в щеках.

Се Цзыцзин, держа в руках тарелку и кролика, зашел на кухню, но затем вернулся, быстро поцеловав Цинь Гэ в щеку.

Цинь Гэ: «...»

Се Цзыцзин:

— Ах, как приятно!

Он громко и театрально воскликнул, шагнул на кухню с кроликом в руках. Цинь Гэ тоже улыбнулся, и теперь ему уже не было так неловко. Каждое движение Се Цзыцзина становилось для него все более забавным, и он с удовольствием наблюдал за ним.

<http://bllate.org/book/15560/1384677>